

СТРАСТИ ПО ГЕРБУ

Аннотация. Статья посвящена проблеме вариантов изображения на гербе Архангельской области, закон о котором был принят и ратифицирован главой администрации области в 2003 году. Автор статьи, находясь в центре полемики вокруг изобразительного эталона герба, предлагает свое видение проблемы, основанное на использовании знаний из истории геральдики (в том числе российской), истории края и искусства, теории символических и знаковых систем. В исследовании прослеживается история герба Архангельской области, рассматривается вопрос о соответствии утвержденного герба геральдическим правилам, сложившейся символике цвета, принятым в герботворчестве требованиям к изображению. Кроме того, дается трактовка образов, изображенных на гербе – Архангела Михаила и дьявола, – в культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: Ансельм Кентерберийский, Архангел Михаил, Архангельская область, Бог, геральдика, Геральдический совет, герб, герботворчество, дьявол, законопроект, знак, искусство, образ, Сатана, символ, эмблема.

*Знание имеется лишь тогда,
когда что-либо мыслится
на достоверном основании.*

Ансельм Кентерберийский, XI в.

Пожалуй, самым сложным для Архангельского областного Собрания депутатов оказался законопроект «О гербе Архангельской области». Еще в 1996 году был проведен конкурс на лучший проект областного символа, затем, в 2003 году, по настоянию депутатов состоялся повторный конкурс, ставший по сути межрегиональным, так как в нем принял участие художник-геральдист из Рязани Михаил Шелковенко. Законопроект неоднократно рассматривался на сессиях Собрания депутатов в 2000 и 2003 годах. Наконец, в 2003 году закон был принят и ратифицирован главой администрации области. Но, несмотря на то, что в законе имеется точное, соответствующее нормам геральдики описание герба, апробированное Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации, камнем преткновения стал изобразительный эталон герба, и основные споры ведутся сейчас именно вокруг вариантов изображения.

Между тем, в соответствии с правилами геральдики, а также рекомендациями Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, «единственным эталоном герба является его геральдическое описание (блазон), изобразительный эталон не допускается. Герб – не товарный знак, он имеет более высокий статус и существует по иным правилам. Допускается перерисовка герба в различных стилях, в щитах разных форм и пропорций – изменением герба как такового это не является. Варианты одного и того же герба в разных стилизациях могут параллельно находиться в официальном употреблении»¹.

Находясь в центре полемики, ловлю себя на мысли, что самую непримиримую позицию в данном вопросе занимают люди, мало компетентные не только в вопросах геральдики, герботворчества и связанных с ними знаний в культуре, символических и знаковых системах, но и плохо ориентирующиеся в истории края и в искусстве. Надо отметить и нежелание оппонентов прислушаться к мнению специалистов, даже из Геральдического совета. Поэтому, думается, не лишним будет еще раз вернуться к проблеме и постараться рассмотреть ее с разных, может быть, неожиданных точек зрения.

Герб – официальный символ административно-территориальной единицы, представляет собой «геральдически оформленный знак достоинства, исторического и административного значения территории, а также прав органов местного самоуправления»².

Основная часть всякого герба – геральдический щит – восходит еще к X – XI векам. Передаваясь по наследству, эти знаки стали впоследствии эмблемами дворянских родов, символизируя древность их происхождения, славу предков и принадлежность к свободному сословию.

* Зубрий Андрей Александрович – секретарь комиссии по обоснованию атрибутики и геральдики Архангельской области, ведущий специалист комитета по культуре администрации Архангельской области.

Электронный адрес: zubrii@dvinaland.ru

¹ Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы. Методические рекомендации по разработке. – СПб., 1998. – IV, 14.

² Вилинбахов Г.В. Положение о территориальных и городских гербах и флагах Российской Федерации (проект) // Вестник геральдиста. – 1996. – № 9.

Обретая суверенитет, средневековые города также обзаводились гербами, чтобы подчеркнуть свое независимое положение, достоинство и самоуправление. Одновременно складывались и особые принципы изображения на щитах тех или иных фигур и знаков, строгие правила их размещения, сочетания и точного описания, символика цвета.

Европейские принципы составления гербов и эмблем были заимствованы в XVIII веке и в России, когда в 1722 году Петр I учредил первую герольдмейстерскую контору, которой было поручено разрабатывать гербы для российских дворянских фамилий, губерний и городов.

При Петре I городская символика получила свое развитие в процессе создания стройной системы формирования и размещения армейских полков. В 1708 году Россия была разделена на 8 губерний с приписанными к ним городами. Размещенные по городам полки получили наименование городов или губерний. В 1712 году были изготовлены знамена полков с размещенными на них эмблемами, в том числе, знамя Архангелогородского полка.

Первая известная территориальная эмблема Архангельска была разработана лично Петром I в 1701 году и представляла собой Архангела на коне, поражающего копьём дьявола. На знамени Архангелогородского полка 1712 года был изображен Архангел на крылатом коне, который поражает копьём змия. По рисунку эмблема была близка гербу Москвы.

После учреждения герольдмейстерской конторы назначенный на должность составителя гербов помощник герольдмейстера граф Ф.Санти «сочинил» новый, отличный от предыдущего герб Архангельска, который уже в 1729 году украшал знамя Архангелогородского полка. Новый герб изображал на желтом поле летящего Архангела, побеждающего черного дьявола, в синем одеянии с огненным мечом и червлёным щитом.

В 1775 году по инициативе Екатерины II началась большая административная реформа. В ходе ее губернии (за исключением Санкт-Петербургской и Московской) были переименованы в наместничества. Одновременно с административной реформой решался вопрос и о присвоении каждому городу империи собственного герба. В то же время собственные гербы присваивались вновь образованным административным единицам – наместничествам. Гербы городов каждого наместничества утверждались практически одновременно с гербами наместничества. В результате реформы в 1781 году был утвержден герб губернского города Архангельска, входящего в Вологодское наместничество. Первое описание герба Архангельской губернии относится к 1784 году. Он был разработан под руководством государственного герольдмейстера, историка князя М.М.Щербатова и апробирован Екатериной II.

Герб Архангельской губернии по стилю напоминал герб г.Архангельска, но значительно отличался от него по расположению фигур. Как и на городском, на гербе губернии в желтом (золотом) поле размещался Архангел Михаил в лазуревом (синем) одеянии с огненным мечом и с лазуревым щитом, который, в отличие от городского герба, был украшен золотым крестом. Архангел на губернском гербе не парил над дьяволом, а стоял (попирал) его. Дьявол изображался в лежащем, повернутом влево, положении. (Стороны в геральдике определяются с точки зрения того, кто стоит за гербовым щитом и держит его; таким образом, от зрителя правая геральдическая сторона находится слева, а левая – справа).

В 1857 году была начата очередная ревизия губернских и городских гербов, целью которой был «пересмотр всех губернских и прочих местных гербов Российской империи, с тем, чтобы... представить проектные рисунки тем из сих гербов, кои по неправильности их составления требуют исправления и изменения»³. Барон Кёне, возглавлявший Гербовое отделение личной е.и.в. канцелярии, основное внимание уделил унификации территориальных гербов в плане создания единой системы украшений гербовых щитов.

При активном участии Кёне были пересмотрены все ранее утвержденные территориальные гербы. В отдельных случаях Кёне предлагал заменить центральные фигуры гербов. В частности, были подвергнуты правке гербы Архангельской губернии и Холмогор. Полное описание герба Архангельской губернии, предложенного Кёне и утвержденного указом Александра II в 1878 году, гласит: «В золотом щите, Святой Архистратиг Михаил, в лазуревом вооружении, с червлёным пламенеющим мечом и с лазуревым щитом, украшенным золотым крестом, попирающий черного лежащего дьявола. Щит увенчан Императорской короной и окружён золотыми дубовыми листьями,

³ Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. – М., 1985. – С. 135.

соединенными Андреевской лентой»⁴. Блазон совпадал с ранее разработанным гербом, хотя рисунок фигур несколько изменился.

Общий пафос реформы 1857 года был чисто бюрократический; территория и город выступали в разработках Кёне как ячейки в системе власти, а не как персоны, субъекты самоуправления. Кроме того, многие ранние достижения отечественной геральдики были им проигнорированы, а механизм реализации реформы не был разработан. В результате множество гербов пришло к 1917 году в двух вариантах – юридически действительном и реально употребляемом (Н.Н.Сперансов, Н.А.Соболева). Это относится и к гербу Архангельской губернии (см.: Свод законов Российской империи //Выпуск второй, П.П. фон Винклер).

До 1917 года свои гербы имели наместничества, губернии, уезды и практически все города Российской империи. Но «с введением новой административно-территориальной системы 1928–29 гг. и другими реформами того времени гербы губерний и уездов, использовавшиеся до 1917 года, потеряли силу, а статус субъекта Российской Федерации, чьи органы власти официально именуются государственными, не сопоставим со статусом губернии. Городские гербы, утвержденные в законодательном порядке до 1917 года, остаются в силе как не отменявшиеся в законодательном порядке ни в годы революции, ни позднее»⁵.

В записке о проектной концепции федерального акта «О территориальных и городских гербах и флагах» Геральдический совет при Президенте Российской Федерации отметил, что большинство элементов, введенных в гербы во время реформы 1857 года, было ориентировано на существовавшую в то время территориально-административную систему. Тем не менее, чтобы гербы выполняли свою основную задачу – служить символом самоуправления, самостоятельности территории или города, – Совет рекомендовал использовать в сегодняшней практике разные исторические уровни российской геральдической традиции⁶.

Гербы – суть культурные символы. К.Юнг отмечал: «Культурные символы – это, в сущности, те, которыми пользуются для выражения «вечных истин» и которые во многих религиях используются до сих пор. Эти символы прошли через множество преобразований, через процесс более или менее сознательного развития и таким образом стали коллективными образами, принятыми цивилизованными обществами.

Они важные составляющие нашего ментального устройства, и они же – жизненные силы в построении человеческого образа, и поэтому не могут быть устранены без значительных потерь»⁷.

Исторически сложилось так, что гербы г. Архангельска и Архангельской губернии представляют собой редкий в геральдике пример «говорящих» гербов. Крупнейший специалист в области геральдики Н.А.Соболева на Всероссийской конференции, состоявшейся в г. Архангельске в 1989 году, подчеркнула, что данные исторические гербы рассказывают на библейской основе о высоких нравственных категориях: борьбе добра и зла, правды и лжи. То есть, в этом поединке Архистратига небесного и главного князя тьмы олицетворены практически все библейские заповеди.

На наш взгляд, в городском и губернском гербах в символической форме отразилась история края в развитии. «Сочинение» герба г. Архангельска началось в период Северной войны. Архангельск был форпостом России на Севере и с честью выполнил возложенную на него задачу по защите северных рубежей. В Архангельске была одержана первая победа в Северной войне на воде – под Новодвинской крепостью. Архангельск создавался и осознавался, в том числе, и как оплот православия на северных рубежах.

Официальному утверждению герба губернии в 1878 году предшествовали не менее значимые для истории России события: это отражение английского десанта во время Крымской войны под Соловками и в д. Лямца Онежского района, где сооружен памятник в честь этого события – чугунный крест, вырастающий из пирамиды английских ядер. Позднее православная Россия способствовала освобождению православной Болгарии от 500–летнего османского ига в ходе Балканской войны 1877–1878 гг. Эти события не могли не повлиять на символику губернского герба, за основу которого был взят герб г. Архангельска. На гербе Архангельска Архангел Михаил поражает, а на гербе Архангельской губернии уже попирает поверженного дьявола, символизируя последний этап борьбы. Этому соответствует и динамика изображенных на гербах фигур: парящего над дьяволом Архангела

⁴ Винклер П.П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб, 1899 //репринт. изд. – М., 1990. – С. 177.

⁵ Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы. Методические рекомендации по разработке. – СПб., 1998. – II, 2.

⁶ Вестник геральдиста. – 1996. – № 9.

⁷ Юнг Карл. Человек и его символы. – СПб., 1996. – С. 105–107.

на городском гербе и спокойно стоящего на поверженном ангеле тьмы Архангела – на губернном. Все это придает историческим гербам города и губернии особое символическое и историческое значение.

В искусстве создания гербов существует большое количество правил и тонкостей. В основе всякого герба лежит геральдический щит; цвета, их сочетания и повороты фигур должны соответствовать геральдическим правилам. Гербовый щит имеет свое происхождение от боевого щита, на котором живые существа – люди, животные, ангелы и т.п. – изображались визуально наступающими на противника или стоящими фронтально (на зрителя), символически защищая воина. Фигуры, изображающие поверженного противника или темные потусторонние силы, визуально изображались отступающими (справа – налево от зрителя). Поворот влево возможен, но требует специальной мотивации. Например, поворот влево на гербе Москвы Святого Георгия на коне, нападающего на змия сзади, освящен давней традицией. Правилами геральдики запрещается накладывать металл на металл (золото на серебро – желтое на белое) и финифть на финифть. Это так называемое «основное правило геральдики».

Одновременно при разработке гербов надо учитывать особенности изображения, принятые в герботворчестве. Герб – не икона, не произведение изобразительного искусства. Изображение на нем должно быть графически ясно, без излишней детализации, мешающей его «чтению». Гербы различных субъектов, районов, населенных пунктов, владельцев не должны совпадать друг с другом, а также с гербами других государств.

За основу гербовых щитов в России была принята так называемая французская форма щита, представляющая прямоугольник, основание которого выступает в середине нижней части острием и имеет закругленные нижние углы.

Цвета, используемые в гербах, также имеют сложившуюся символику. Золотой (желтый) цвет щита городского и губернского гербов символизирует святость, богатство, справедливость, великодушие. Святые на византийских и русских иконах, долгое время и на иконах и картинах средневековой Европы писались на золотом фоне, что подчеркивало их особый священный статус. Червлень (красный, алый) – символ храбрости, мужества, неустрашимости. В одежде и на гербовом щите это еще и символ княжеского достоинства. Лазурь (различные оттенки синего и голубого) – символ красоты, мягкости, величия. Чернь символизирует печаль, благоразумие, смирение.

Символическую нагрузку несут и предметы, помещаемые на гербах. Так, меч – оружие воина во многих повествовательных сценах в изобразительном искусстве – является символом власти и административной справедливости.

На гербах Архангельска и Архангельской губернии изображены две фигуры – Архангел Михаил и дьявол, или, как предложил епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, ангел тьмы. Основной спор возникает именно вокруг этих, изображенных на гербе фигур. На них и надо остановиться подробнее. Тем более, что если образ Архангела Михаила трактуется однозначно, то ангел тьмы в эсхатологической литературе имеет множество имен и образов, не поддающихся однозначной интерпретации.

Михаил (в переводе с древнееврейского – Кто, как Бог; символ Света у Иоанна Богослова) – один из главных архангелов. Есть еще шесть архангелов (по некоторым источникам – двенадцать). В Ветхом завете это «князь», ангел-хранитель еврейского народа («князь великий, стоящий за сынов народа»; Дан. 10: 13,21; 12,1). Христианство приняло его как святого – в широком смысле – воинствующей Церкви. «Архистратиг», предводитель небесного воинства в окончательной эсхатологической битве против сил зла, считался покровителем князей и ратной славы⁸.

В апокрифической эсхатологической литературе Михаил изображается борющимся с ангелом зла Самаэлем (в более поздней традиции – с Сатаной); вражда между ними началась с того момента, когда Самаэль, низвергнутый с небес, ухватился за крылья Михаила, чтобы увлечь его в преисподнюю, однако, Михаил был спасен Богом.

По традиции Михаилу приписывается роль защитника, ангела милосердия и просителя за людей перед Богом. Он является также «ангелом предстояния», стоящим вместе с Гавриилом перед троном Божьим (кн. Еноха 9,1; 40,2; 90,20). В русской иконописи с XIV века это обязательный персонаж деисусного чина, молящийся Христу за грешников. Как предстоящий перед троном он является одновременно ангелом-писцом, заносящим имена праведников в книгу («спасутся в это время

⁸ Слово «Архангел» (начальник ангелов) по образованию новозаветное; его нет ни у писателей древности, ни в Ветхом Завете. Но понятие о старшинстве ангелов было и раньше; так, называли «один из первых князей», «князь великий», так что слово образовалось для определения сложившегося понятия.

(страшного суда) из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книгу». Дан. 12,2). Он выступает также в качестве проводника душ и взвешивает их грехи. Михаил научил Адама земледелию, а Авраама богопознанию, был учителем Моисея. В православной традиции Михаил играет гармонизирующую с исконной ролью учителя роль культурного героя, обучая людей скотоводству, хлебопашеству и ремеслам. (См. икону конца XVI–начала XVII века «Архангел Михаил с деяниями» из собрания Государственного музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева, а также иконографию Флора и Лавра).

Боги света, с которыми всегда ассоциируется Архангел Михаил, находились в постоянном конфликте с богами тьмы – Сатаной с его сообщниками-дьяволами. Эта тема нашла свое выражение в Книге Откровения (12:7-9): «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона (...). И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной (...).» Источником этой цитаты, вероятно, дохристианский, хотя Церковь объясняла ее в категориях христианского конфликта и изображала Михаила побеждающим дьявола.

Образ Михаила широко представлен в религиозном искусстве, особенно в церквях, посвященных Святому Михаилу. Он облачен в кольчугу и вооружен щитом, мечом или копьем или тем и другим. Подобно почти всем другим ангелам, у него крылья (которые не допускают никакого его смешения с другим победителем дракона – Святым Георгием). В искусстве Сатана – либо в получеловеческом облике, либо в виде дракона – распростерт под ногами святого, который готов убить его. В новейшем искусстве такой образ Михаила, одолевшего дьявола, лежащего в цепях у его ног, сооружен Якобом Эпштейном на фасаде церкви Святого Михаила в Ковентри (город в Англии, наиболее пострадавший от бомбардировок немецкой авиации в период Второй Мировой войны).

На Руси Архангел Михаил пользовался особым почитанием. Его изображения встречаются на военных знаменах, доспехах, монетах. Молитва, обращенная к нему, гласит: «Святой Михаиле, огради мя от зла».

Дьявол (от греческого – «клеветник»), мифологический персонаж, олицетворение сил зла («нечистая сила»), занимает видное место в христианском вероучении.

Христианский дьявол – сложный образ, корни которого имеют различное и часто очень древнее происхождение. Непосредственным источником его были, видимо, различные божества мрака и тьмы древневосточных религий, духи зла, боги загробного мира. Владычество над подземным миром грешных душ – адом – стало одной из важнейших функций дьявола. В земной жизни дьявол – главный вдохновитель колдунов и ведьм.

В славянских народных поверьях близко к нему примыкает черт (из праславянского – «проклятый»). В фольклоре и народных картинках черти – антропоморфные существа, покрытые черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами. В русской средневековой живописи облик черта отличается от человеческого остроголовостью (или волосами, стоящими дыбом – шишом: отсюда шиш, шишига), иногда крыльями за спиной. В народных легендах черт связывается с ветхозаветным мифом о падших ангелах (так, в русских легендах черти – ангелы, уставшие славить Бога). От прочей нечисти черти отличаются местами своего обитания (вплоть до церкви по ночам), свободой передвижения и способностью к оборотничеству. С вездесущностью чертей связаны запреты поминать их и многочисленные эвфемизмы: лукавый, враг, окайшка, анчутка и др. В народных поверьях черти постоянно вмешиваются в жизнь людей, причиняют мелкие неприятности, принуждают к неоправданным поступкам.

Более сложным является образ Сатаны (от древнееврейского – «противодействующий»; «противник в суде, в споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наушник, подстрекатель»). В религиозно-мифологических представлениях иудаизма и христианства Сатана – главный антагонист Бога и всех верных ему сил на небесах и на земле, враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов. Он – существо, воля и действия которого есть центр и источник мирового зла. С ортодоксальной точки зрения, Сатана противостоит Богу не на равных основаниях, не как божество или антибожество зла, он как падшее творение Бога и мятежный подданный его державы, который только и может, что обращать против Бога силу, полученную от него же. Поэтому противник Сатаны на уровне бытия – не Бог, а Архангел Михаил, предводитель добрых ангелов и заступник верующих в священной войне с Сатаной.

По своей природе Сатана подобен ангелам, в кругу которых предстает перед лицом Бога – Яхве. Его отношения с Яхве поначалу не ясны, хотя очевидно, что он зависит от Яхве и боится его запретов; но человеку он, во всяком случае, враг и порочит его перед Яхве.

К Сатане восходит все моральное зло мира. Поскольку же он – порождение греха, сходное с ним и необходимо от него вытекающее есть смерть. Можно обратить внимание на слабость Сатаны, неравный

характер его борьбы с Яхве, страх, внушаемый ему первозданным светом Мессии, его бессильную зависть (по одной из версий, само отпадение Сатаны от Яхве было вызвано этой завистью) к человеческому роду. Иудейские мистики ставят Сатану в большую близость к Богу как порождение атрибута гнева, вышедшего из божественной всеполноты и обособившегося, как олицетворение «гнева Яхве». В ортодоксальной иудаистской традиции Сатана рассматривается как персонаж, не до конца отторгнутый от общения с Яхве. Он свободно восходит на небеса, чтобы обвинять человека перед Яхве (пролог книги Иова), и сходит с небес, чтобы ввести в соблазн, а после снова подняться.

Раннехристианские тексты описывают пришествие Христа как второе и окончательное низвержение Сатаны, отторжение от горнего мира. По преданию II века, Сатана и бесы достигли полной меры в злобе и отчаянии именно в результате прихода, деятельности и жертвенной смерти и воскресения Христа, до конца обнаруживших духовную поляризацию добра и зла в мире. С тех пор Сатана очевидным образом «осужден» (Ио. 16,11) и может только до поры оставаться «князем мира сего» (Ио. 12,31 и др.). Даже в своем обиталище он посрамлен сошествием Христа в ад. В будущем Сатане предстоит кратковременный реванш во времена Антихриста и затем окончательное заключение в аду.

Не вполне выясненным остается, как к этой перспективе относится сковывание Архангелом Михаилом Сатаны на срок тысячелетнего царства праведных с последующим выходом Сатаны из темницы и войной против «стана святых и города возлюбленного» (Апок. 20, 1-10).

Новозаветные тексты полностью отказываются от каких бы то ни было наглядных образов Сатаны. Напротив, средневековая фантазия изоощрялась в детализации таких образов. Средневековое и раннеренессансное искусство демонстрирует взбунтовавшихся ангелов, падающих с неба и в этом падении обретающих хвосты, когти и другие демонические черты.

Падение дьявола было классической парадигмой для рассмотрения проблемы зла. Схоласт XI – начала XII века Ансельм Кентерберийский посвятил этому диалог, который так и назвал – «О падении дьявола». Как многие до и после него, Ансельм считал, что на этом свете нет ни тьмы, ни смерти и ссылки на «зло» и «ничто» имеют в своей основе языковую привычку, мешающую нам правильно выражаться, а иногда и правильно думать. Настоящий диалог интересен именно стремлением Ансельма к методическому анализу «зла» как фактора психологической и этической мотивации⁹. В связи с полемикой, которая разгорается каждый раз при рассмотрении проекта областного герба, вопроса соотношения сил, символами которых являются помещенные на гербе персонажи, думаю, не лишним будет в краткой форме изложить основные мысли, заключенные в труде Ансельма.

Диалог построен по классической схеме рассуждений учителя и ученика с целью познания истины. Учитель утверждает, что от высшего блага нет ничего, кроме блага, ничто и небытие не являются благами. Бытие и благо не существуют иначе как от Бога, так же, как все, что существует. Ученик пытается понять, почему тот ангел, который устоял в истине, был тверд? «Бог дал» – говорит учитель; но тот, который не устоял, потому не был тверд, что не имел твердости, не получив ее от Бога, а не получил потому, что не дал Бог.

Отсюда отнюдь не следует вывод, что злой не потому не получил, что Бог не дал. Если бы Бог дал, то он наверняка бы имел. Но имел ли злой ангел возможность и волю к тому, чтобы получить твердость? Учитель считает, что Бог дал злему ангелу получить волю и возможность получить твердость, но дьявол, получивший и хотение, и возможность получить твердость, потому ее не получил и не сохранил, что Бог не дал, но Бог не дал, потому что тот не взял. Своей волей дьявол отказался от хотения.

Кроме того, не потому дьявол не хотел в должное время должного, но потому, что сам он, желая того, чего не должен был, этим отверг доброе желание, побежденный злым. Таким образом, он не потому не сохранил твердой добрую волю, но «...сам он, желая того, чего не должен был, тем самым от нее отказался и, отказавшись, не удержал ее»¹⁰. То есть, если бы он стойко хранил праведность, то никогда не согрешил бы и не был бы нечестен – справедливость сохраняет лишь тот, кто хочет того, что должно; утрачивает лишь тот, кто хочет того, что не должно.

Чем все же согрешил злой ангел? Хотел ли он справедливости или «удобства», из которого происходит блаженство, желанное для всякой разумной природы?

Дьявол согрешил тем, что бесчинно возжелал чего-то большего, чем то, что он получил; он перешел хотением своим границы справедливости. А поскольку он хотел того, чего Бог не хотел, он бесчинно хотел стать подобным Богу, т.е. он хотел чего-то своим собственным хотением, никому не

⁹ Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995. С. 350.

¹⁰ Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995. С. 230.

подчиненным. Следовательно, поставил свое хотение выше воли Бога. «Дьявол своей волей хотел бросить должное и справедливо утратил то, что имел, ибо своей волей и несправедливо хотел того, что не имел и чего не должно было хотеть». Ибо – «Не должно быть блаженным тому, кто не имеет справедливой воли; тем более тот, кто хочет недолжного и невозможного, не может быть блаженным в совершенном и похвальном смысле»¹¹.

По мнению Ансельма, воля, обращение воли, есть нечто, ибо хотя они не имеют субстанции, нельзя доказать, что они не сущности. Если злая воля есть зло, от которого некто называется злым, – добрая воля будет самым добром, от которого некто становится добрым. Но злая воля не есть само зло, делающее злыми; но и добрая воля не есть само добро, делающее добрыми. «Ни злая воля, ни злое обращение не суть само зло, от которого злым становится человек или ангел; добрая же воля или доброе обращение воли суть добро, от которого становятся добрыми»¹².

Для христианских писателей важной являлась проблема наказания за отступничество. Знал ли злой ангел, что если он бросит то, что получил, то должен будет понести наказание? Из рассуждений учителя видим, что, поскольку он (злой ангел) был столь разумен, что ничто не могло помешать ему пользоваться разумом, он мог понять, что, если согрешит, по справедливости будет наказан. Можно, конечно, сказать, что несколько нельзя поверить в то, что Бог проклянет за вину тварь, которую от великой благости своей он создал, – особенно когда не было никакого предшествующего примера справедливости, карающей несправедливость. Тем более число, в котором сотворены были те, которые должны были наслаждаться Богом, такой премудростью предустановлено, что не имело в себе лишнего и, если бы уменьшилось, стало бы несовершенным, а творение Бога не может остаться несовершенным в каком-либо отношении. В то же время, если уже был создан человек, – никаким умом нельзя было знать, что Бог поставит человеческую природу вместо ангельской, если та падет, а ангельскую вместо человеческой – ведь падшие ангелы должны быть замещены. Люди, которые могли заместить в раю падших ангелов, должны быть лучше добрых ангелов, потому что их заслуга больше, так как они могли грешить и побороли соблазн. Скорее можно было думать, что Бог опять восстановит каждую из них в том, для чего она была создана, на ее собственное место, а не вместо другой.

Учитель считает, что злой ангел не обладал предвидением наказания, т.к. не должен был иметь такого знания. Ибо, если он знал, то не мог бы, имея блаженство и желая его, по своей воле хотеть того, от чего стал бы несчастен. Здесь дилемма – если бы он не согрешил, то либо только по доброй воле, либо из страха перед наказанием. Но своим действием дьявол доказал, что одной лишь любовью к справедливости ему было не избежать греха. Одновременно, если бы он избежал греха за счет страха, он не был бы праведен. Стойкость того, в ком видна только честная и полезная причина стойкости, поскольку она произвольна, радует более, чем если бы в то же время выявлялась бы и та, которая не полезна и не честна, но что она необходима.

Ансельм делает вывод: злой ангел достоин хулы, ибо оставил праведность по своей злой воле; он отмщен за грехи невозможностью восстановить утраченное.

Диалог Ансельма в полном смысле современен, он многое объясняет с точки зрения нарушения принятых в обществе этических норм, раскрывает мотивацию делинквентного (преступного) поведения. («Добро, которого я хочу, не делаю, а зло, которого я не хочу, делаю». Апостол Павел, 3. Рим., 7,19). Впрочем, это уже другая тема¹³.

Н.Хренов, заведующий сектором эстетики и теории искусства Государственного института искусствознания Минкультуры России, доктор философских наук, на конференции «Искусство и философия» (г. Москва, 2002) отмечал, что отечественная ментальность проявляется в комплексе выхода из истории. Русская культура – культура забвения, она легко оставляет прошлое, чтобы быть свободной от него¹⁴. Отсутствие исторической памяти, вольное отношение к истории ярко проявились при обсуждении законопроекта об областном гербе. То, что депутаты не знают первого русского историка М.М. Щербатова, еще полбеда, но то, что многие из них в принципе не приемлют исторических традиций, историзма и громко заявляют об это в пылу полемики – уже настораживает. Под прикрытием восстановления (!) на Севере православия они лихо цитируют Писание, выдергивая фразы из контекста, интерпретируя их с присущим политическим деятелям «требованием момента». Впрочем, не они одни.

¹¹ Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995. С. 233, 250.

¹² Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995. С. 237.

¹³ Отсылаю читателей к книге Позднякова Э.А. Философия преступлений. – М., 2001.

¹⁴ Хренов Н. XX век: переход, развертывающийся в форме смены циклов // ДИ. – 2004.

За последние три года в средствах массовой информации было опубликовано более двух десятков статей, посвященных областному гербу. Посвятили ему время средства массовой коммуникации. Выявилась прелюбопытная особенность. Когда к освещению вопроса приступают историки, работники музеев и архивов, они пытаются увязать исторические реалии с реалиями сегодняшнего дня, сделать анализ, привлекают источники. Они не только знают, о чем пишут, но их учили аргументировать свою точку зрения и грамотно выстраивать систему доказательств. Журналисты в основной массе себя этим не утруждают – бей на эмоции. Будут ли точны цитаты, хватает ли объема исторических знаний и культурного багажа – не столь важно. «Главное, заострить вопрос», – как говорится в одном старом анекдоте.

Самый знаменитый и самый блистательный церковный писатель XI века Петр Дамиани в трактате «О божественном всемогуществе» писал: «Да прозрит беспомощная слепота неумело мудрствующих...; ибо если то, что принадлежит к искусству рассуждения, нечестиво относят к Богу, уже не только в прошлых, но и в настоящих и будущих (событиях) выдают его за глубоко немощного и бессильного... они, не выучившись и началам словесности, в потемках своих доказательств упустили основания ясной веры; ...огрехи собственного убожества вменяют божественной тайне». В отличие от «мудрствующих» Дамиани ясно осознавал, что «много встречается среди речений Писания таких, которые, если мы удовольствуемся их поверхностным, буквальным восприятием, не смогут влить в нас свет истины, но скорее окутают нас мраком заблуждения»¹⁵.

Посредством прессы свою точку зрения высказали десятки людей, не только историки и журналисты, но и учителя, представители творческой интеллигенции, студенты, обыватели. Многие публикации, а также телерепортажи сопровождались обнародованием вариантов герба. Из всей массы публикаций можно выделить статьи доцента кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова Т.Тетеревлевой, журналистов А.Беднова и Л.Ашиток, которая писала по горячим следам депутатских (парламентских) слушаний, но вдумчиво и объективно. Не надо забывать и о состоявшихся конкурсах, в которых приняли участие десятки граждан со всей Архангельской области. Следовательно, говорить о том, что вопрос принятия областного герба прошел мимо внимания жителей области, не приходится. Интересно, что практически не было публикаций из лагеря чиновного люда, да и мнением их не особо интересовались (очевидно, пишущая братия посчитала, что у должностных лиц, готовящих законопроект и работающих с материалами конкурсов, не может быть мнения, ибо они не есть часть народа и вообще «вас тут не стояло»).

По публикациям видно, что основную тревогу у граждан вызвало именно вольное обращение с историей, легкомысленное отношение к наследию предков со стороны противников восстановления исторических символов, сохранения исторической преемственности, то, что многие не сочли для себя важным разобраться в глубинном смысле геральдической символики. Другой стороной, вызывающей сомнения, было наличие на гербе ангела тьмы, олицетворяющего зло.

На наш взгляд, сомнения эти в значительной степени развеяло авторитетное заявление настоятеля Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестинина), приведенное в статье Т.Тетеревлевой «Тревожит сама идея изменения герба»: «Жизнь наша настоятельно требует, чтобы мы все очень внимательно отнеслись к этой теме. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже и отрицание бытия этой страшной силы делает нас перед ней совершенно безоружными. И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что многим поколениям людей она внушила, будто ее совсем нет». Предки наши, пишет автор статьи, были людьми глубоко и истинно верующими, и вовсе не напрасно они помещали на иконах, фресках, а позднее и на гербах городов символическое изображение нечистой силы. Такие изображения призваны были обострять «память смертную», напоминать о том, что борьба за души не прекращается ни на миг¹⁶.

Ангел света в той или иной символической форме (например, изображение крыльев Архангела) был помещен на гербах 12 городов и 2 губерний Российской империи. Ангел тьмы (в том числе, в виде змия, дракона) – на гербах 1 посада, 5 городов и 3 губерний; везде (кроме герба Казанской губернии, который создавался на других, отличных от христианской символики, основаниях) он изображен поражаемым Архистратигом Михаилом или Святым Георгием. Образ поверженного дракона, змия или дьявола свидетельствовал для наших предков о торжестве православия, укреплял надежду на заступничество святых и ангельского воинства в «невидимой брани».

¹⁵ Дамиани Петр. О божественном Всемогуществе // Ансельм Кентерберийский. «Сочинения». – С. 362, 368.

¹⁶ Правда Севера. – 2001. – 19 июня.

В заключение уместным будет привести мнение предводителя Российского дворянского собрания А.К.Голицына, высказанное им в одном из интервью: «Герб – один из способов сохранения исторической памяти, памяти о своих предках, о том хорошем, что они сделали... Сегодня идет соединение тех звеньев разорванной исторической цепи, которые были потеряны. И для нас важно соединить те ее части, которые еще можно соединить»¹⁷.

Использованная литература:

1. Полное собрание Законов Российской империи. Первое. – СПб., 1843.
2. Полное собрание Законов Российской империи. Второе. – СПб., 1880. т. XXXII, № 32037.
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь. – М., 1909 [репринт. изд. М., 1992. тт. 1–2].
4. Мифы народом мира. – М., 1994.
5. Холл Ждеймс. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М., 1996.
6. Лакиер А.Б. Русская геральдика. 1855 [репринт. изд. – М., 1990].
7. Винклер П.П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. – СПб., 1899 [репринт. изд. М., 1990].
8. Медведев М.Ю. Территориальные и муниципальные гербы. Методические рекомендации по разработке. – СПб., 1998.
9. Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII – XIX вв. – М., 1974.
10. Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. – М., 1985.
11. Вестник геральдиста. 1996. № 9.
12. Бобров Ю.Г. Основы иконописи древней Руси. – СПб., 1995.
13. Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Кат. собр. – М., 1994.
14. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995.
15. Юнг Карл. Человек и его символы. – СПб., 1996.
16. АРХДОМ. – № 4/24.
17. ДИ //мат. конф. Искусство и философия. – М., 2004

¹⁷ АРХДОМ. – №4/24.